

Антон Александрович Стегнюшин

Омский государственный педагогический университет, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории, Омск, Россия
e-mail: a_stegniushin@mail.ru

Ценностное измерение законодательных памятников Древней и Удельной Руси

Аннотация. Статья посвящена определению ценностной составляющей законодательства Древней и Удельной Руси, которая является одним из структурных оснований культуры этого исторического периода. Выявлены основные правовые ценности Русской Правды и Псковской судной грамоты. Предпринята попытка определить соотношение системы ценностей в законодательстве с мировоззренческими установками общества.

Ключевые слова: аксиология права, ценность, равенство, свобода, справедливость, Русская Правда, Псковская судная грамота.

Anton A. Stegniushin

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of National History, Omsk, Russia
e-mail: a_stegniushin@mail.ru

Value Dimension of Legislative Monuments of Ancient and Appanage Rus

Abstract. The article is devoted to determining the value component of the legislation of Ancient and Appanage Rus, which is one of the structural foundations of the culture of this historical period. The main legal values of the Russian Pravda and the Pskov Judicial Charter are revealed. The author made an attempt to determine the correlation of the value system in legislation with the ideological attitudes of the society.

Keywords: axiology of law, value, equality, freedom, justice, Russian Truth, Pskov Judicial Charter.

Введение (Introduction)

Поиск оснований в определении ценностного измерения конкретных законодательных памятников приводит в междисциплинарную область философско-правовых исследований культуры. Толкование ценностно-правового аспекта закона не ограничивается аксиологией права (ценностный аспект права), а сочетается с онтологией права (бытие права) и с гносеологией (познание права). При этом, допуская различие и соотношение права и закона, юридическое познание этого вопроса находится на стыке теоретических и историко-правовых исследований, существующих в поле культуры. Не менее важной составляющей будет являться вопрос воссоздания социокультурного контекста эпохи, тех условий в которых появились и действовали памятники законодательства, что относится к отдельным аспектам исторической науки.

Определение ценностного измерения законодательных памятников Древней и Удельной Руси позволит выявить элементы структуры ценностного мира культуры в указанный период, связь этих элементов и источники их формирования. На основании этих данных возможны рассуждения о соотношении или противопоставлении фактов действи-

тельности и системы ценностей, об основаниях ценности права, которые могут исходить, с одной стороны, от его общеобязательного характера, а с другой — наоборот, от объективной ценностной общей значимости.

Как философское учение, аксиология занимается изучением ценностей «...как смыслообразующих оснований бытия человека, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни» [1, с. 88]. Ценности выступают и структурным основанием культуры. Исходя из этого определения, область интересов данной статьи составляют нравственно-ценностные элементы системы права Древней и Удельной Руси, которые могли бы быть основанием нравственной мотивации жизни человека и культуры того времени либо были ответом на уже сложившуюся природу мировоззренческих установок.

Методы (Methods)

В качестве методологической основы исследования выступает либертарно-юридическая философия В. С. Нерсисянца. В рамках этой концепции подразумевается триединство сущностных свойств права. Под сущностью права понимается принцип формального равенства. Этот принцип

представляет собой «...единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права — всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости» [2, с. 4]. Как отмечает В. В. Лапаева, такая философия охватывает «...наиболее значимые для каждого человека ценности — свобода, равенство и справедливость, которые составляют квинтэссенцию разумных начал социальной жизни всего человечества» [3, с. 14]. Исходя из этого, в исследовании при обращении к ценностям права в памятниках законодательства Древней и Удельной Руси первостепенное значение будут иметь ценности свободы, равенства и справедливости.

В качестве научного метода, позволяющего выйти на определение содержания ценностей в памятниках законодательства, выступает структурно-функциональный метод. Для определения места ценностей права в структуре ценностей общества указанного периода используется системный подход. С одной стороны, законодательство указанного периода выступает как система со всеми присущими ей свойствами. С другой стороны, существует система ценностных установок в обществе. Каждая из этих систем находилась во взаимозависимом состоянии.

Литературный обзор (Literature Review)

Обращение к ценности права, по мнению Л. В. Карнашенко, происходит в каждой теории права, «...выходящей на теоретический уровень философской рефлексии и задающей вопрос о сущности права или о цели права вообще» [4, с. 35]. Вместе с этим работы, в которых аксиология права становится центральной идеей для философско-правового исследования, появляются достаточно поздно. Исходя из этого, для определения базовых подходов к пониманию ценности права необходимым становится обращение к философской классике: к работам И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Ницше. Немаловажным для исследования представляется выход на исследования аксиологии права Л. Фуллера и Дж. Финниса, Г. Кельзена и Г. Харта, В. С. Нерсисянца.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Обращаясь к ценностному измерению законодательных памятников Древней и Удельной Руси, необходимо определить подходы к пониманию ключевого понятия «ценность». К ценности можно отнести всё то, что имеет большое значение или приносит пользу. Но это понимание слишком широкое, и правильнее будет обратиться к некоторым философским характеристикам ценности, появившимся в истории философии. Прежде всего, обратимся к понятию «благо», так как именно оно является первичным ценностным основанием древней и средневековой философии. Д. А. Федчук отмечает, что «в традиционной культуре благо относилось к ценностям, более того, часто оно понималось как высшая ценность» [5, с. 53]. Можно сказать, что понимание блага и ценности в это время тождественны. Благо в философии понималось по-разному, от того, к чему все стремятся, до варианта опредмечивания ценности. При кажущейся схожести явлений со временем становится понятным, что благо и ценность не совпадают в своем содержании полностью.

Употребляемый со времен Античности термин «ценность» приобретает новое значение благодаря И. Канту. А. В. Климович указывал, что по мнению И. Канта, «...ценности не принадлежат объектам действительности, а соответственно понятия ценности и оценки не принадлежат каузальному объяснительному понятийному ряду» [1, с. 90]. Исходя из такого подхода, получается, что понимание системы ценностей общества и культуры в определенный период времени будет происходить с точки зрения идеала. И если категория ценностей относится к категории идеала, то ценности обладают нормативным и регулятивным значением для общества.

Для данного исследования значение имеет понимание нормативно-регулятивной значимости ценностей в культуре. Потому как благодаря этому возможен выход на понимание системы ценностей средневекового общества в истории России. Идею нормативно-регулятивной значимости ценностей развивали продолжатели учений И. Канта. В работах неокантианцев ценности выходят в разряд норм культуры. Наравне с ценностями добра, красоты, истины рассматривались право, религия, наука как ценности общества.

Обращаясь к законодательным памятникам Древней и Удельной Руси, стоит сказать, что в статье они представлены двумя наиболее значимыми и полностью дошедшими по содержанию нормативно-правовыми актами. Этими актами являются Русская Правда [6] и Псковская судная грамота [7]. Русская Правда, появившаяся в начале XI в., имела три редакции. Краткая редакция написана не позднее 1054 г., Пространная редакция появилась не ранее 1113 г., и Сокращенная редакция, возникшая к середине XV в., как ответ на необходимость оставить только реально действующие на тот период времени законодательные нормы.

Содержание Русской Правды восстановлено благодаря спискам XV в. в составе Новгородской первой летописи младшего извода. К тому же содержание Русской Правды оказалось переписано и подготовлено к печати в XVIII в. В. Н. Татищевым. Краткая редакция содержала всего 43 статьи, созданные преимущественно Ярославом Мудрым и его сыновьями. Пространная редакция имеет в своем содержании уже 121 статью, первая часть — суд Ярослава (как вариант доработки норм краткой редакции) и Устав Владимира Мономаха, статьи, появившиеся в период его правления. В данном исследовании будет обращение именно к Пространной редакции как к наиболее полному варианту.

Псковская судная грамота появляется в середине XV в. (по некоторым источникам в конце XIV в.) на территории Псковского княжества. Псковская земля по аналогии с Новгородской (будучи некогда ее частью) представляла собой достаточно интересное политическое образование с феодальным республиканским строем, вечевой формой правления и корпоративным устройством экономики. Известно о существовании в это же время Новгородской судной грамоты, но, к сожалению, ее текст в полном объеме не сохранился, в отличие от 120 статей, которые составляли содержание Псковской судной грамоты.

Исходя из либертарно-юридической философии, в рамках которой под базовыми ценностями права понимается единство равенства, свободы и справедливости, обратим-

ся к ценности равенства с точки зрения законодательных памятников Древней и Удельной Руси. Равенство в общем понимании представляет собой сходство предметов, их тождественность при отсутствии существенных различий. Первые трактовки правового равенства связаны с логичной и абстрактной категорией математического равенства. Пифагорейцы трактовали равенство как меру в виде определенной числовой пропорции. Позже математические основания равенства в праве найдут продолжение в трудах Аристотеля, Платона, Сократа.

Иной и особый смысл идея равенства приобретает в христианстве. Существование Бога делает любые различия между людьми несущественными, потому что в общении с Богом все равны. К такому пониманию равенства близка формулировка современной конституции, в которой провозглашается равенство всех перед законом. При наличии различных подходов к пониманию равенства как ценности оно с точки зрения права, как и любое другое, оказывается абстрагированным от фактических различий, что и является ключевым критерием. С другой стороны, идеальное совпадение прав и обязанностей у всех субъектов не представляется возможным, и в формально-юридическом плане равенство недостижимо.

Равенство как ценность права в Пространной редакции Русской Правды отчетливо прослеживается с точки зрения равенства перед законом человека, совершившего правонарушение или преступление. В статьях нет отсылки ни к социальному статусу, ни к полу, ни к возрасту предполагаемого ответчика. Чаще всего для обозначения нарушителя используется формулировка «если кто», «если человек», либо вообще указывается только действие. Например, 23-я статья: «Если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью, то 12 гривен штрафа в пользу князя за обиду» [6, с. 499] или 24-я статья: «Если же, вынув меч, не ударит, то гривна кун» [6, с. 499]. Практически все статьи, указывающие на правонарушение или преступление, совершенное конкретным человеком, имеют подобную формулировку. Единственным исключением оказывается полностью зависимая категория населения — холопы. В 121-й статье написано: «Если холоп обкрадет кого-либо, то господину его выкупать или выдать с тем, с кем он крал, а жене и детям <ответать> не надо...» [6, с. 517]. Получается, что за свои непосредственные действия холоп не нес прямой ответственности перед судом и выпадал из принципа равенства перед законом.

Достаточно интересным выглядит отсылка к ордалям при возникновении неразрешимых ситуаций или отсутствия должного количества свидетелей. Статья 21 гласит, что если истец обвиняет в убийстве, но при этом нет свидетелей, то рассудить их необходимо через испытание железом [6, с. 499]. В этом случае отчетливо видно, что равенство на суде отождествляется с равенством перед Богом. На равенство женщины и мужчины указывает 88-я статья, где написано, что за убийство женщины необходимо судить точно так же, как и за убийство мужчины [6, с. 511]. Элемент неравенства присутствовал в определении суммы выплаты, возможности участия в судебных разбирательствах, определении наследства и т. д. и зави-

сел от социального статуса лица, против которого совершено преступление.

В Псковской судной грамоте сохраняется обезличенная форма обращения к нарушителям, что в принципе говорит о равенстве всех перед законом. При этом появляется несколько интересных статей, где отдельно подчеркивается равенство мужчины и женщины. В статье 88 говорится о том, что если после смерти жены не останется завещания, то муж будет владеть этим имуществом пожизненно или пока не женится во второй раз [7, с. 251]. При этом 89-я статья полностью повторяет статью 88 с одной лишь разницей: в ней говорится о распоряжении имуществом после смерти мужа [7, с. 251]. Этот случай, скорее всего, связан с необходимостью дополнительно подчеркнуть в законодательстве равенство мужчины и женщины перед законом. В 119-й статье показано равенство женщин между собой, в ней указано, что если суд приговорил двух женщин к судебному поединку, то они лишаются права выставить вместо себя наемного бойца [7, с. 255]. В целом, в Псковской судной грамоте сохраняется тенденция к тому, что субъекты правоотношений равны перед законом при сохранении дифференциации в конкретных проявлениях нарушений законодательства.

Следующая ценность, являющаяся неотъемлемой частью аксиологии права, — ценность свободы, одна из ключевых для человека. Свобода рассматривается как неотъемлемая часть бытия человека. Н. В. Омельченко подчеркивает, что свобода является атрибутивной характеристикой человека, и «...без свободы человек перестанет быть человеком» [8, с. 102]. Свобода в истории философии ассоциируется и выражается через такие категории, как воля, ответственность, собственность, личность. В социальной среде свобода выражается в поведении человека, в его словах, поступках и действиях. Определение меры такой свободы и ее оформление связано с правом. Ценность свободы с точки зрения аксиологии права или правовой свободы в первую очередь проявляется в возможности выбора в действиях человека.

В Русской Правде свобода как ценность выражается главным образом в том, что еще не существует понимания преступления как общественно-опасного деяния. Любое преступление рассматривается как причинение вреда лицу или группе лиц и выражается понятием «обида». Обида носит личный характер, а значит, и решение о необходимости разобраться с обидчиком принимает конкретная личность. В пример можно привести 39-ю статью, где написано, что если кто-то узнает свою вещь, которая у него пропала или была украдена, то идти ему на свод [6, с. 503], чем и будет запущен процесс разбирательства. Таким образом, инициатором выступал потерпевший, при этом у него была возможность этого не делать. Это касается всех видов преступлений, в том числе и тех, которые сегодня мы бы отнесли к делам уголовным. В некоторых случаях потерпевший не только выступал инициатором, но и был вынужден полностью заниматься расследованием и восстановлением всей цепочки событий. Например, в 39-й статье есть указание на то, что при опознании украденного челядина необходимо вести его до третьего свода [6, с. 501]. Это означало,

что потерпевший самостоятельно должен был искать по цепочке виновного. Тем самым, понимая сложность механизма поиска виновного, у потерпевшего оставался выбор, запускать этот процесс или нет, сохранялась некая свобода в организации этой процедуры. Однако Русская Правда — это еще и документ об обратном, о несвободе. Холопству посвящены статьи со 110-й по 121-ю, что представляется достаточно внушительным объемом от общего количества статей.

Псковская судная грамота содержит в себе несколько проявлений, которые мы можем отнести к свободе как ценности. Например, свобода человека выражалась в защите от произвола должностных лиц. В статье 48 зафиксировано, что человек может требовать вернуть имущество, которые было неправильно взято или отнято должностным лицом [7, с. 245]. Но наиболее ярким примером возможности принимать решения как проявление свободы служит возможность истца и ответчика договориться друг с другом, причем не только до начала судебного процесса, но и вовремя его проведения. Например, в 62-й статье написано, что истец по договоренности с ответчиком имеет право уменьшить свой иск или вообще не взыскивать штраф с ответчика [7, с. 248]. Договоренность двух людей, имеет высшую ценность, и в этом выражается их свобода. В 80-й статье описывается разбирательство в случае драки, и тоже указывается возможность решить исход мирно, по договоренности, что освобождает от необходимости уплаты пошлины князю [7, с. 250]. Относительная свобода остается в оформлении договорных отношений. У участников сделки оставалась возможность заключить устный договор при условии, что сделка не превышает определенную сумму, и в этом тоже проявляется свобода выбора. Как справедливо было замечено исследователем Псковской судной грамоты Ю. Г. Алексеевым, в Псковской судной грамоте, как и в Русской Правде, отношения свободы преобладают над отношением зависимости [9, с. 5].

Ценность справедливости предполагает наличие согласованности между тем, что есть, и тем, что должно быть. В истории философии справедливость и ее основания определялись по-разному. В древнегреческой философии справедливость обозначалась как умение не вмешиваться в дела других или как качество, связанное с отношением к другим людям и обществу. Достаточно быстро справедливость начинает отождествляться с законностью и правом. Правовую справедливость можно понимать как общезначимую правильность, общезначимую правомерность. По сути, действовать справедливо означает действовать правомерно, а одним из главных инструментов достижения справедливости служит следование ценностям свободы и равенства.

В Русской Правде обращает на себя внимание такое явление, как кровная месть, и которое выглядит как справедливое наказание. Кровная месть зафиксирована в 1-й статье и позволяет родственникам убитого мстить за него [6, с. 497]. При этом в Пространной редакции появляется 2-я статья, в которой кровная месть была заменена денежной выплатой [6, с. 497], и представление о справедливом наказании за убийство со временем начина-

ет меняться. Справедливым в Русской Правде считается необходимость смягчить наказание, если нарушению закона предшествовало событие, повлиявшее на решение нарушителя. Например, в статье 6 и 7 речь идет о выплате виры за убийство. В 6-й статье обозначено, что если убийство произошло во время ссоры, то виру может помочь выплатить община, но по статье 7, если же убийство совершено без причины, то община не в праве помогать в выплате [6, с. 497]. Соответственно, если есть причина преступления, то справедливо его смягчить. В 56-й статье говорится, что если закуп бежит от господина, он становится полным холопом, при этом если он бежит из-за нарушений в его адрес со стороны своего господина, закуп получает правосудие [6, с. 507], что тоже выглядит как проявление справедливости. Еще пример справедливого поведения можно обнаружить в 40-й статье. В ней описана ситуация, при которой вора с поличным можно убить на месте, но только в момент преступления, если же вор будет обезврежен и пойман, он должен быть передан суду [6, с. 503].

В Псковской судной грамоте есть прямое указание на то, что судебный процесс должен быть справедливым и по присяге, так зафиксировано в 5-й статье [7, с. 239]. Появление механизма судебного представительства тоже можно связать с пониманием справедливости. В 36-й статье указано, что в случае решения спора на судебном поединке, если истцом окажется женщина, малолетний, престарелый или с ограниченными возможностями человек, ему разрешается выставить вместо себя на поединок наемного бойца, при этом такое же право получает ответчик [7, с. 243]. Тем самым происходит справедливое выравнивание сил. В понимании общества того времени справедливым считалась забота о родителях, этому в подтверждение выступает 53-я статья, в которой указано, что если сын откажется заботиться о родителях, он лишается возможности претендовать на долю наследства [7, с. 246]. В качестве проявления справедливости можно отметить 57-ю статью, в которой говорится о том, что в качестве приставов могут выступать только люди добрые и благонадежные [7, с. 247]. Если же мы обращаемся к справедливости с точки зрения следования свободы и равенства, то и в Русской Правде, и в Псковской судной грамоте можно найти еще статьи и положения, в основании которых лежит ценность справедливости.

Заключение (Conclusion)

Проделанная работа по выявлению ценностного измерения законодательных памятников Древней и Удельной Руси позволяет утверждать, что такие важнейшие составляющие аксиологии права, как равенство, свобода и справедливость, являлись важной и системообразующей составляющей не только для законодательства, но и для культуры общества указанного исторического периода. На основании того, что одними из самых значимых источников Русской Правды и Псковской судной грамоты были нормы обычного права и судебная княжеская практика, можно предположить, что ценности, заложенные в законодательстве указанного периода, были ответом на сложившиеся мировоззренческие установки в культуре. Для общества того времени равенство и свобода выступали как базовые ценности, на которых стро-

ились общественные отношения, а справедливость как ценность в свою очередь опиралась на свободу и равенство.

Вместе с тем есть конкретные примеры статей, в которых законодательство являлось основанием для формирования или корректировки ценностной картины мира чело-

века того времени. Наиболее ярким примером в этом плане служит замена кровной мести денежной выплатой. Нормативно-регулятивная значимость ценностей подтверждается во взаимном влиянии закона и общества в первую очередь через систему ценностей, сохраняемую культурой.

Библиографический список

1. Климович А. В. Особенности становления аксиологии как раздела философского знания // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. № 2 (77). С. 88–91.
2. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
3. Лапаева В. В. Либертарно-юридическая философия права как инструмент осмысления актуальных социально-правовых проблем // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. 2021. Т. 16, № 6. С. 11–38.
4. Карнаушенко Л. В. Современная аксиология права как теоретическая проблема // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 33–37.
5. Федчук Д. А. Понятие ценности в аксиологии и схоластическое понятие «благо» // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2 (23). С. 52–61.
6. Русская Правда (Пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. Т. 4 : XII век. СПб. : Наука, 1997. С. 496–517.
7. Псковская судная грамота (Новый перевод и комментарий) / пер. Л. В. Черепнина, А. И. Яковлева // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 235–297.
8. Омельченко Н. В. Свобода человека как ценность // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Философия. 2012. № 1. С. 101–111.
9. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков : Возрождение, 1997. 148 с.